

ЕКАТЕРИНА РЕДНИКОВА:

«ТРАКТАТ
О ВЛЮБЛЕННОСТИ
Я НАПИСАЛА
В 20 ЛЕТ»

Из длинного лимузина
под ослепительные вспышки
фотокамер выпорхнула Она
в роскошном платье оливкового
цвета. Но, поднимаясь по лестнице
в толпе голливудских звезд,
Она думала вовсе не о славе:
«Если бы сейчас меня увидел он...»

Что вас больше всего поразило в Лос-Анджелесе?

— Впервые в жизни я увидела настоящую пробку из лимузинов! Ведь в Голливуд на вручение «Оскара» приезжают пять тысяч человек. Представляете, сколько нужно машин!

— А для большего ажиотажа вокруг фильма «Вор» не придумали ли вам с Владимиром Машковым какую-нибудь скандально-любовную историю?

— Вокруг номинации «Иностраннный фильм» на «Оскар» нет большого ажиотажа, она одна из самых «молчаливых». Так что особой нужды выдумывать «love story» не было. Хотя на съемках между партнерами действительно довольно часто возникают романы. По-моему, если к партнеру не испытываешь симпатии, сыграть любовь просто невозможно — в кино же все держится на крупных планах. Но у нас с Володей немножко другая история отношений. Мы были знакомы еще до начала съемок «Вора», встретились как-то случайно в одном из коридоров «Мосфильма» — я пробовалась в фильм «Барышня-крестьянка», и кто-то нас представил друг другу. Конечно, какие-то флюиды между нами пробежали, и ток проискрил... Мы еще несколько раз где-то пересекались, но у каждого из нас в тот момент была своя личная жизнь, так что к тому времени, когда мы встретились на картине, все уже прошло, остались теплые ровные отношения и взаимная симпатия.

После «Вора» у меня буквально разрывался телефон с

предложениями сниматься. И я, открытая успехом, отправилась отдыхать в Баден-Баден. Дело было в августе. Наплававшись в бассейне, иду на массаж и непосредственно от массажиста узнаю о том, что в России разразился «какой-то жуткий кризис». Поскольку иностранцы любят стучать краски, особого значения его словам я не придала. Но вернувшись домой, тут же поняла: массажист не шутил. Надолго замолчал телефон, работы — никакой. И когда меня неожиданно пригласили сниматься в сериале «Каменская» в роли стервы, я с радостью согласилась. Мне было очень интересно сыграть такую характерную роль, ведь до сих пор все мои героини были положительными. А после «Каменской» уже была Америка, фильм «Сквозное падение», где моими партнерами стали Рой Шрайдер (он играл в фильме «Весь этот джаз») и Питер Уэллер — знаменитый Робокот. Съемки проходили в Люксембурге, который выдавали за Париж, а на озвучивание я полетела в Лос-Анджелес: у меня вполне приличный английский, а кроме того, моя героиня — девушка русская и вполне могла говорить с легким славянским акцентом.

А помимо съемок я долго работала в театре Александра Калягина «Et cetera». Но в какой-то момент сложилась такая ситуация, что мне пришлось уйти. Однако, несмотря на то что я перестала быть членом труппы, театр все равно считаю родным домом и до сих пор играю в любимом спектакле по пьесе Юджина О' Нила «За горизонтом». Это любовная драма, вернее, треугольник: я и двое мужчин.

— А в реальности подобные ситуации с вами случались?

Я долго работала в театре Александра Калягина «Et cetera» и, несмотря на то что уже перестала быть членом труппы, театр все равно считаю родным домом

С Машковым мы были знакомы еще до начала съемок «Вора»

— В жизни у меня никогда не было подобных метаний. Другое дело, когда чувство лишено взаимности — любишь одного, а он любит другую и т. д... Такая цепочка несовпадения у меня в жизни встречалась довольно часто, бывали периоды отчаянной безответной влюбленности, что приносило огромную боль. Не помогало даже то, что рядом были любящие люди — я-то к ним ничего подобного чувствовать не могла, лишь благодарность. Причем, как правило, я влюблялась в мужчин намного старше себя.

— И первой любовью был тоже какой-нибудь усатый нянь?

— Первый обожатель у меня появился в школе — рыжий Левка, жуткий забияка и драчун, лупил всех подряд — и мальчишек, и девчонок, только меня не трогал, при том что я на уроках все время дергала его за вихры. Носил за мной портфель и этого, как ни странно, абсолютно не стеснялся. Нам вслед кричали: «Тили-тили тесто, жених и невеста!», но Левка не обращал ни на кого внимания. Так что впервые силу женской власти я ощутила в семь лет. Ну а влюбилась я первый раз по-настоящему в 13. На сей раз кавалер был действительно намного старше меня — на целых восемь лет. Мы вместе занимались в молодежном театре, где «актерам» было от десяти до тридцати. Самое удивительное, что он, 21-летний парень, тоже мною увлекся. Конечно, дальше поцелуев дело у нас не заходило. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, что его держало рядом. Он мне читал стихи — Ахматову, Пастернака, Цветаеву. Под его влиянием я сама стала писать стихи. А самое главное: он воспитал во мне одно из правил, которое потом вошло в мой трактат, — мужчина должен быть Учителем. Благодаря ему я поняла, что человек, которого полюблю, будет не просто умным, а гораздо умнее меня. Кстати, именно он посоветовал мне вести дневник. И я, как тургеневская барышня, старательно записывала туда все свои мысли, любовные страдания и события. В 16 лет дневник я надолго забросила и взяла его в руки только через четыре года, чтобы увековечить одно важное событие: я только что пережила свою первую взрослую любовь. А случилось это так

На третьем курсе меня пригласили сниматься в американском фильме «Дьявольская симфония». Работа над картиной проходила в России, поскольку это было намного дешевле, все основные роли играли американцы, у меня же была самая большая «русская» роль — девушки, влюбленной в главного героя. А на роль главного героя пригласили Бена Кросса (он сыграл в фильме «Колесница огня», получившем четыре «Оскара»).

Когда режиссер утверждал меня на роль, вызвали Бена, чтобы он посмотрел меня, оценил и «благословил». При первой встрече он мне ужасно не понравился: эдакий 45-летний детина с длинными волосами — гримеры таким образом пытались его «омолодить». Я даже продюсеру, помню, съязвила: «Вы что, не могли найти кого-нибудь поинтереснее да помоложе?» А мне по сценарию полагалось играть по уши влюбленную в него девушку! Как тут играть? Только позже я поняла: чем меньше мне нравится человек в первый момент, тем больше у него шансов меня завоевать. Это открытие потом тоже вошло в мой трактат. Так было и с Беном... Думаю, моя демонстративная неприязнь его и задела: как же, приехала звезда, а на него не обращают никакого внимания! И Бен принялся меня всячески обхаживать... Оказалось, он очень остроумный человек, а я очень ценю чувство юмора в мужчине — ненавижу зануд! Да и потом, что скрывать, конечно, мне, 20-летней девчонке, безумно льстило, что он, взрослый

При первой встрече Бен мне ужасно не понравился: эдакий 45-летний детина с длинными волосами

Первый обожатель у меня появился в школе — рыжий Левка, жуткий забияка и драчун, лупил всех подряд, только меня не трогал, при том что я на уроках все время дергала его за вихры

Пока мы были вместе, я совершенно не задумывалась, люблю ли я его, а он без конца объяснялся в любви и звал замуж. (Кадр из сериала «20 тысяч лье под водой». В роли капитана Немо — Бен Кросс)

Бен отнес меня из гостиной в другую комнату, уложил, поправил одеяло и вышел. Сон как рукой сняло, я лежу и думаю: «Сейчас войдет!»

и известный актер, при всей группе оказывающая мне знаки внимания, например, мог в ресторане, не стесняясь, громко сказать: «Как я люблю эту женщину!»

— **И сколько длилась осада крепости?**

— Не так уж долго. Съемки длились около двух месяцев, а наш роман — всего месяц. Просто он был таким ярким, что всю последующую жизнь я о нем вспоминаю. Помню, как первый раз я осталась у него ночевать (Бен снимал квартиру на Тверской). В тот день я допоздна засиделась у него в гостях и уже собралась уезжать домой, как он мне вдруг предлагает: «Катя, ну что ты поедешь так далеко! Не беспокойся, у меня три комнаты, я тебе постелю в одной из них». «Да, конечно!» — отвечаю я хитро, а про себя думаю: «Ага, знаю я вас, мужчин». Но в ту ночь действительно ничего не произошло, мы проговорили почти до рассвета, а потом, когда я уже засыпала, он отнес меня из гостиной в другую комнату, уложил, поправил одеяло и вышел. Сон как рукой сняло, я лежу и думаю: «Сейчас войдет!» А он все не входит и не входит. Согласитесь, ни одну женщину это не может не задеть. Вот и я лежу и потихоньку завожусь: «Как же так?! Почему не зашел?» Утром выхожу на кухню, а он уже завтрак готовит. «Как спала?» — «Замечательно. Как ты?» — «Я ужасно. Как представлю — ты лежишь в соседней комнате, а я не имею права туда войти!..» Вроде мелочь, но как она важна: раз обещал — не вошел, сдержал слово! Такими мелочами он меня к себе постепенно и привораживал, шаг за шагом.

Но вот что интересно: пока мы были вместе, я совершенно не задумывалась, люблю ли я его, а он без конца объяснялся в любви и звал замуж. Правда, очень переживал, что намного старше. Эта тема все время всплывала в наших разговорах. В конце концов мне это так надоело, что однажды я его оборвала: «Еще раз услышу об этом — вообще не буду с тобой разговаривать».

Рядом с ним я чувствовала, что становлюсь лучше. Он был убежден — если два человека хотят быть вместе, то не важно, кто виноват в ссоре, и всегда первым просил прощения. А ведь чаще всего была виновата я со своей дурацкой

Я жила как в сказке. Это был период, когда у меня все получалось, потому что меня безумно любили

К сожалению, Бен так и не узнал, что когда мы с моим французом увиделись, я сразу поняла, что люблю не его, а Бена... (В фильме Роберта Дорхема «Венецианский проект»)

«Прости меня, пожалуйста, я виноват». И я понимала, какая я дура, и мне хотелось вести себя как он — всем делать приятное. Помню, в то время я получала приличные для студентки гонорары и покупала всему курсу подарки, устраивала пикники — это доставляло мне огромную радость. Когда я просыпалась утром, он приносил мне завтрак на подносе, с такой любовью приготовленный: кусочки ветчинки свернуты розочками, фигурно вырезанный грейпфрут с ложечкой и кофе. Я приходила после лекций поздно, уставшая, он встречал меня, усаживал и не позволял ничего делать — ни готовить, ни мыть посуду: «Только сиди — я буду тобой любоваться». Я жила как в сказке. Это был период, когда у меня все получалось, потому что меня безумно любили. Он мне давал ощущение надежности и уюта. Но все это я, к сожалению, поняла только после того, как мы расстались...

Мы закончили съемки в конце мая, а в июне весь наш курс уехал по обмену на неделю в Париж. И до самого отъезда я так и не знала: люблю ли его, хочу ли замуж... Но как только оказалась в Париже, тут же дико захотела назад — стало ясно: я люблю и хочу быть с ним. Я рвалась в Москву, хотя знала, что его там уже нет — Бен на три месяца уехал на съемки в Италию, а у меня был только телефон его квартиры в Австрии. Перед Парижем он мне сказал: «Катя, когда ты вернешься, я позвоню тебе только один раз и спрошу: «Да или нет?» Через неделю я вернулась абсолютно счастливая, потому что наконец поняла, что очень его люблю и отвечаю: «Да».

Прошел день, второй, наконец он позвонил и начал сбивчиво говорить: «Катя, я очень тебя люблю, но понимаю, что должен рассуждать не как страстно влюбленный молодой человек, а как мудрый сорокапятилетний...» И тут нас разъединяют. Он перезванивает, а мне не слышно. Он снова перезванивает, и опять ничего не слышно. А потом тишина. Больше звонков нет... И вдруг я вспомнила, что перед отъездом зачем-то рассказала ему, что в Париже я встречу с человеком, с которым у меня до него бы роман, и испугалась. Я представила, как он всю неделю думал об этой встрече и о том, что я могу остаться в Париже. К сожалению, Бен так и не узнал, что когда мы с моим французом увиделись, я сразу поняла, что люблю не его, а Бена... И когда нас разъединили, он, наверное, решил, что я просто бросила трубку, не хочу с ним говорить и что это конец. Когда я поняла, что произошло, меня охватил ужас. Неделью к нему еще ждала звонка, даже от отчаяния собрала лететь к нему в Италию, но куда? Я же понятия не имела, где проходят съемки. Приехать в Рим и сказать: «Найдите мне, пожалуйста, Бена»? Мне оставалось только ждать, когда закончатся эти три долгих месяца и он вернется в свою Австрию. Все это время я медленно умирала... Наконец наступил сентябрь, Бен вернулся домой, и я ему позвонила. Он говорил односложно, с большими паузами. «Почему ты мне не звонил?» — «Я звонил». — «Ты подумал, что я бросила трубку?» — «Разве нет?» Я начинаю что-то объяснять и вдруг слышу: Бен плачет. Его душат рыдания, он не может говорить и бросает трубку. Я перезваниваю, он снова ее бросает. Можно только догадываться, что он пережил за эти три месяца...

А на следующий день я улетела на гастроли. Когда, вернувшись, набрала его номер, трубку поднял агент по недвижимости: за это время он сменил адрес — переехал в Лос-Анджелес. Бен всегда мечтал продать свои гигантские апартаменты в Вене и купить четыре маленькие квартиры: в Лондоне, Лос-Анджелесе, Париже и где-то в Испании. Через полгода, когда прошел период дикой боли и я немножко

Перед Парижем Бен мне
сказал: «Катя, когда
ты вернешься, я позвоню
тебе только один раз
и спрошу: «Да или нет?»»

Однажды я подумала: может быть, лучше, чтобы любили тебя, а ты лишь позволяла себя любить? Это спокойнее и надежнее. Попробовала, но не получилось...

завать, мне захотелось разобраться, понять: что же такое любовь? Благодаря Бену я и написала трактат о влюбленности: решила математическим путем (не зря у меня папа — физик, брат — математик, мама — экономист) разложить любовь на составляющие. Их получилось три: первое — влюбленность, то есть состояние любовного бреда, затем пробуждается страсть, желание обладать и наконец наступает ощущение уюта, которое тебе дает любимый человек. Все это я поочередно испытала благодаря Бену.

— **А после Бена вы встречали человека, к которому бы испытывали любовь, отвечающую вашей теории?**

— К тому времени как я написала свой трактат, история с Беном еще не завершилась. Где-то ближе к весне по телевизору я увидела фильм с его участием, и все в душе опять всколыхнулось. Я позвонила в Лондон его другу, попросила связаться с Беном и оставила на всякий случай свой номер телефона. Бен в тот же день перезвонил. Мы довольно тепло поговорили и сошлись на том, что я летом прилечу к нему в Лондон. А меня во время беседы не покидала мысль: как все-таки это странно — после такого сумасшествия, после того как ты почти умер, спрашивать друг у друга: «Как дела?» Мы перезванивались в течение недели, я даже ходила в британское посольство узнать, какие бумаги нужны для приглашения. Что-то в наших отношениях надломилось, ушло, и я все чаще думала: если позвонит и начнет настаивать — тогда поеду, а если нет — то нет... Но больше звонков от него не было. Прошла неделя, вторая, а он все не звонил. Наверное, и он думал о чем-то подобном, это всегда чувствуется. Прошел год, я не звонила и не звонила... И все уходило куда-то — и боль, и желания. А потом я влюбилась, но это уже другая история... Она длилась четыре года и была очень странной — как-то не вписывалась она в мою теорию. После нее я перестала рассуждать на тему любви и тем более что-то записывать. Я не хочу рассказывать, потому что эта любовь — самая важная в моей жизни и самая долгая.

Я полюбила женатого человека, и потому страданий и боли хватило на всех. Был период, когда я очень хотела от него ребенка как продолжение нашей любви. Не могу ска-

зать, что все уже закончилось, несмотря на то что мы не вместе. Я эту любовь вырывала из себя, сама из нее вырывалась, буквально живые куски от себя отрезала. Я так устала от нее, что однажды даже решила: а может быть, лучше, чтобы любил тебя, а ты лишь позволяла себя любить? Это спокойнее и надежнее. Некоторые люди так живут всю жизнь, но, к сожалению, я так не могу, хотя так удобнее — попробовала, но не получилось. Для меня все же важно любить самой.

После разрыва я полгода приходила в себя. Именно тогда я, кстати, получила все свои награды за роль Каги из «Вора» — «Нику», «Золотой Овен». Но это было, пожалуй, единственное, что, по большому счету, меня поддерживало. Од-

Во время беседы меня не покидала мысль: как это странно — после такого сумасшествия спрашивать друг у друга: «Как дела?»

но плохое цеплялось за другое, все это росло как снежный ком, казалось — мне никогда не выбраться из несчастий. Это чувство меня всю словно выпотрошило, мне ничего не хотелось. И потом я очень боялась снова испытать боль. Так продолжалось до тех пор, пока я не сказала себе: «Что за чушь, разве ты ничего больше не хочешь?! Оступайся, пусть тебе будет больно, но это и есть жизнь. Ради этого и живешь. А если бояться неудач, то для чего жить?»

Сейчас у меня период относительного затишья. И в чувствах, и в творчестве. Есть человек, который относится ко мне с огромной нежностью. Что же касается меня, то осолого кипения чувств пока не наблюдается. Но может, это и хорошо, нельзя же все время кипеть...

Беседовала Ирина Зайчик